

Дмитрий Карасев

РЕЖИМЫ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В статье проанализированы современные теоретические и эмпирические подходы к выделению режимов всеобщего благосостояния в развивающихся странах. За последние десятилетия наиболее значимый вклад в этой области внесли Я. Холлидей, Я. Гоф, Н. Рудра, С. Хаггард и Р. Кауфман. Интерес к изучению социальных государств в развивающихся странах и их типологизации возник из-за отсутствия ожидаемой конвергенции между ними и режимами всеобщего благосостояния в странах ОЭСР. Выделенный в Восточной Азии тип режима всеобщего благосостояния с характерным для него инвестиционным подходом к государственному социальным расходам был назван «продуктивистским» (Holliday 2000). По мере расширения социальных программ в регионе в ответ на серию кризисов 1997 и 2008 гг. этот режим трансформировался, и в отдельных странах все же приобрел сходства с либеральным режимом Эспинг-Андерсена. Антиподом «продуктивистскому» режиму стал чрезмерно щедрый «протективный» (Rudra 2004) с уровнем социальных расходов, превышающим потенциал роста соответствующих национальных экономик. Была установлена связь между различными стратегиями догоняющего развития (экспорто-ориентированная и импортозамещающая индустриализации) и типами социальных режимов («продуктивистский» и «протективный» режим, соответственно), а также их воздействием на демографию и социально-экономическое развитие. Помимо протосоциальных государств среди развивающихся стран также выделяются кластеры «режимов с неформальным страхованием» и «режимов без социального страхования» с низкой социальной защищенностью, где основную социальную функцию выполняет расширенная семья, включая отpravку денег мигрантами на родину, патрон-клиентские

Дмитрий Юрьевич Карасев – к.социол.н., н.с., Центр экспертизы санкционной политики, Лаборатория анализа международных процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия. Электронная почта: dk89@mail.ru

сети, а также рынок, включая международные НКО. Последующие поколения исследователей, испытавшие влияние указанных авторов, уточняют состав кластеров и принципы кластеризации социальных режимов в развивающихся странах, а также выделяют промежуточные кластеры и подкластеры и изучают их более пристально.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, развивающиеся страны, продуктивистский режим, протективный режим, неформально страхующий режим, режим без социального страхования, кластерный анализ

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-697-708

Интерес к изучению социальных государств в развивающихся странах (далее РС) и их типологизации возник из-за отсутствия ожидаемой конвергенции между ними и режимами всеобщего благосостояния в странах ОЭСР, выделенных Г. Эспинг-Андерсеном (Esping-Andersen 1990).

На заре исследований социального государства считалось, что оно возможно только в высокоразвитых индустриальных странах (Cutright 1965; Wilensky 1975). Индустриализация порождала схожие социальные проблемы и конфликты, но также обеспечивала необходимые материальные средства для их решения и оформляла в целом схожие политические коалиции заинтересованных сторон. Широкие различия отдельных социальных программ и прочих форм социальной защиты в РС 1950–1960-х г. объясняли низким уровнем экономического развития, предполагая что последующие догоняющее развитие и индустриализация сделают их похожими друг на друга и на полноценные социальные государства в странах ОЭСР (Baer, Herve 1966; Form, Baer 1988). Однако последующей конвергенции социальных государств в РС друг с другом и с социальными государствами стран ОЭСР не произошло. Часть РС, преуспевших в догоняющем развитии, (например, страны Восточной Азии) так и не осуществила соответствующего расширения социальных программ, и, наоборот, некоторые РС приступили к расширению социальных программ, не добившись существенных успехов в догоняющем развитии (например, Иран).

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. ряд исследователей (Steinmo 1994; Evans 1997; Garrett 2001; Kaufman, Segura-Ubiergo 2001; Rudra 2002) обратили внимание на отрицательную корреляцию между глобализацией (которая операционализировалась как рост международной торговли) и социальными расходами в РС. Одни РС, в частности страны Латинской Америки, стремились защититься от воздействия глобального рынка тарифными барьерами и социальной защитой национального рынка труда, другие как государства Восточной Азии, напротив, стали встраиваться в него, сохраняя конкурентоспособность национальной продукции за счет удержания социальных расходов на низком уровне. К последним стали применять такие описания как «ойкономические государства всеобщего

благосостояния» (Jones 1990), «конфуцианские государства всеобщего благосостояния» (Jones 1993), «восточно-азиатские модели всеобщего благосостояния» (Kwon 1997).

К общим характеристикам социальных государств Восточноазиатского региона относили: низкие социальные расходы государств; инвестиционный подход к социальным расходам; сохранение центральной роли традиционных институтов социальной защиты; государственное регулирование корпоративного социального страхования; замедленное прагматичное *ad hoc* развитие сегментарного социального обеспечения; расширение социальных расходов в периоды кризисов с целью политической легитимации; ограниченная приверженность населения идее социальных прав как неотъемлемой части гражданских прав.

Несмотря на пристальное внимание к региону, исследователям не удалось прийти к согласию относительно перечня государств, принадлежащих к этой модели. Из дискуссии вокруг этого выросла теория «продуктивистского режима всеобщего благосостояния» Яна Холлидея (Holliday 2000; 2005; Kwon, Holliday 2007), который развил типологию режимов (капитализмов) всеобщего благосостояния Геста Эспинг-Андерсена (Esping-Andersen 1990). Ученый выделил режимы всеобщего благосостояния – либеральный, консервативный и социально-демократический – по трем критериям: (1) результаты в терминах декоммодификации труда; (2) вклад государства, рынка и семьи в социальную защиту; (3) редистрибутивный эффект социального государства и влияние на стратификацию. Холлидей предложил четвертый критерий: является ли социальная политика самоцелью или служит другой цели. При всем различии выделенных Эспинг-Андерсеном режимов социальная политика в них была самоцелью. Напротив, в продуктивистском режиме социальная политика целиком подчинялась стимулированию экономического роста (см.: Holliday 2000: 709). В результате социальные государства Восточной Азии были объединены в продуктивистский режим, но внутри него распределялись на подкластеры: стимулирующий (*facilitative*): Гонконг; девелопментало-универсалистский (*developmental- universalist*): Япония, Корея, Тайвань и девелопментало-партикуляристский (*developmental-particularist*): Сингапур¹.

Стимулирующий режим Холлидея напоминает либеральный режим Эспинг-Андерсена: социальные права минимальны, стратификационный эффект практически отсутствует; рынок в приоритете. Девелопментало-универсалистский режим универсализировал лишь базовые социальные программы, остальные были адресованы отдельным группам, своего рода

¹ Предложенный перевод названий подкластеров продуктивистского режима подчеркивает, что Я. Холлидей выделяет и описывает их для стран Восточной Азии послевоенного периода, т.е. периода, когда эти страны в полной мере относились к развивающимся странам или странам догоняющего развития (*developmental state*), а не к развитым странам (*developed countries*), к которым часть из них присоединилась впоследствии. – Прим. авт.

«рабочей аристократии». Девелопментало-партикуляристский режим обошелся без универсальных социальных прав. Вместо этого государство запустило принудительные партикулярные схемы социального обеспечения. Это повышало роль корпораций в социальном обеспечении, но с государственным регулированием. Два последних режима больше похожи на консервативный режим Эспинг-Андерсена с присущим ему корпоративизмом и авторитарным инкорпорированием (социальное обеспечение только для групп важных для режима и его девелопменталистских целей) (см.: Holliday 2000: 710).

После Азиатского кризиса 1997 г. «продуктивистские режимы» Восточной Азии вынуждены были расширить свои социальные программы, и некоторые из них стали больше походить на либеральные режимы всеобщего благосостояния Г. Эспинг-Андерсена. Квону и Холлидею (Kwon, Holliday 2007) удалось доказать, что продуктивистская модель не уйдет в прошлое в одночасье. В то же время возникала дискуссия о том, отвечает ли продуктивистский режим критериям полноценного государства всеобщего благосостояния (Choi 2012; Kim 2008; Goug 2004a, 2004b). Из этой дискуссии возник подход Юнг Джун Чойя к изображению расходящихся путей развития, которые к 2010-м г. прошли социальные государства в странах Восточной Азии (см. Choi 2012: 288).

На основе количественного кластерного анализа Нита Рудра (Rudra 2004, 2007; Rudra, Haggard 2005) выделила негеографический кластер «протективных» государств всеобщего благосостояния, обратный по своей логике продуктивистским. Фундаментальное отличие развитых стран в начале их индустриализации от РС состояло в том, что в первых коммодификация завершилась до появления социального государства. Напротив, в РС коммодификация не завершилась. Некоторые из этих стран пошли по пути завершения коммодификации и сформировали кластер продуктивистских социальных государств не только в Восточной Азии. Другие приступили к декоммодификации до того, как полностью завершили коммодификацию (протективные социальные государства).

В послевоенную эпоху форма социального государства в РС определялась также стратегией догоняющей индустриализации. Правительства РС вмешивались в экономику с одной из двух целей: сделать национальные фирмы конкурентоспособными на международном рынке или, наоборот, защитить их от нее. Эти цели соответствовали экспортоориентированной индустриализации в первом случае и импортозамещающей индустриализации во втором.

Идея протективного социального государства заключается в защите национальных фирм от глобального рынка и фокусировке на упреждающей декоммодификации труда. В отсутствии принуждения со стороны международного рынка к снижению издержек правительства могли предоставлять льготы как рабочим, так и фирмам. Политики могли предлагать прямые льготы работникам в ущерб интересам работодателей,

а последние компенсировать другими средствами, например, дополнительными прибылями от заградительных тарифов и субсидий.

Как отмечает Рудра, «протективные режимы всеобщего благосостояния объединяли в себе элементы социализма и консерватизма» (Rudra 2007: 384). Данные режимы не доверяли социальное обеспечение рынку и предоставляли его в избытке самостоятельно. Их консервативный уклон связан со страхом правительств, что международные рынки разрушат их власть и привилегии. Поэтому они предпочитали щедро раздавать социальные блага, что гарантировало им лояльность и трудящихся, и собственников капитала. Однако результат функционирования протективного режима в РС отличался от результатов социально-демократического и от консервативного режимов в развитых странах.

Продуктивистские режимы всеобщего благосостояния, напротив, придерживались экспортноориентированной стратегии догоняющего развития и доводили коммодификацию до конца с целью повышения конкурентоспособности национальных фирм на международных рынках путем снижения издержек на социальные расходы.

Для кластера протективных режимов, к которому были отнесены Боливия, Доминиканская республика, Египет, Сальвадор, Индия, Иран, Марокко, Тунис, Турция, Зимбабве, Замбия были характерны: а) высокая доля бюджетников в рабочей силе; б) высокая доля расходов на социальную защиту и пособия (пенсии, семейные пособия, пособия по безработице, старости, нетрудоспособности, болезни); в) субсидии домохозяйствам; г) защита рынка труда; д) более высокие государственные инвестиции в третичную ступень образования.

Для кластера продуктивистских режимов, в который попали Чили, Колумбия, Коста Рика, Кипр, Греция, Израиль, Корея, Кувейт, Малазия, Мавритания, Панама, Парагвай, Сингапур, Шри-Ланка, Тайланд были характерны: а) высокая доля расходов на начальное, среднее образование и базовое здравоохранение в государственных социальных расходах; б) высокий уровень грамотности и низкая младенческая смертность; в) высокая доля младенцев, привитых от дифтерии, коклюша и столбняка. Статьи социальных расходов, которые были высокими в протективных режимах – были низкими в продуктивистских, и наоборот.

Кластерный анализ, проведенный Рудра, также выявил промежуточную группу социальных государств, объединивших в себе элементы обоих режимов: Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай. Исследовательница пришла к выводу, что «эволюция протективного социального государства в продуктивистское возможна, а обратное маловероятно» (Rudra 2007: 385). Как показал XXI в., протективные социальные государства часто попадали в ловушку собственного успеха и становились слишком дорогими для экономик, растущих недостаточно быстро. Вместе с тем экономические успехи продуктивистских режимов оборачивались депопуляцией.

Нет сомнений в том, что кластеры, выделенные Н. Рудра в 2007 г., с тех пор несколько изменились по-своему составу и приоритетам социальных расходов, а также в том, что в настоящее время возможно выделить больше промежуточных и смешанных кластеров и подкластеров. Именно этим занялись последующие поколения исследователей, испытывавшие влияние Рудры (см.: например, Hudson, Kühner 2012; Kühner 2015; Yang, Kühner 2020).

Важную лепту в осмысление промежуточного кластера социального государства «латиноамериканского типа» внесли Стивен Хаггард и Роберт Кауфман (Haggard, Kaufman 2004, 2008). Они вернулись к сравнительному качественно-количественному анализу регионально-географических кластеров: латиноамериканского, восточноазиатского и восточноевропейского. Авторы исследовали «политическую экономику социальной политики» этих регионов с 1980 по 2000-е гг., когда она претерпевала заметные трансформации под влиянием глобальных кризисов, демократизации и внутрирегиональных процессов, изменивших фискально-налоговый потенциал государств (см.: Haggard, Kaufman 2008: 5).

В отличие от Н. Рудра, С. Хаггард и Р. Кауфман акцентировали сходства социальных государств в Восточной Азии и Восточной Европе: несмотря на многие различия социальные государства в этих регионах испытали сильное влияние холодной войны и участвующих сверхдержав. Кроме того, в обоих регионах профсоюзы утратили независимость и были подчинены девелопменталистским целям государств, став средством стимулирования производительности труда и дисциплины в обмен на дополнительные социальные льготы (*workfare*).

Латинская Америка, напротив, отличалась высоким уровнем унионизации при сохранении профсоюзами независимости и политической роли в оформлении социальных государств во второй половине XX в., когда коалиции реформаторов пришли на смену олигархическим государствам. Импортозамещающая индустриализация укрепила классовый союз и способствовала расширению социальной защиты рабочих-клиентов. Системы социального страхования были выстроены в бюджетную занятость, государственные предприятия и формально частный сектор, где профсоюзы были наиболее сильны. Занятость в этих секторах обеспечивала весь спектр социального страхования на основе принципа солидарности поколений, включая не только пенсии по старости, но и здравоохранение и пособия семьям.

Хаггард и Кауфман пришли к выводу, что воздействие демократизации и глобализации на региональные кластеры режимов всеобщего благосостояния было не универсализирующим, а зависело от региональной специфики. К 2000-м гг. у большинства государств Восточной Азии появились возможности расширить социальное государство, стать более демократичными и интегрироваться в международный рынок. В Латинской Америке и Восточной Европе фискальные и долговые ограничения в ответ на глоба-

лизацию потребовали сжатия социальных программ, даже несмотря на демократизацию. Авторы также отмечают разные паттерны сжатия: Латинская Америка сэкономила на социальной защите, сохранив расходы на образование без изменений, Восточная Европы – на образовании.

В настоящее время одной из самых влиятельных работ посвященных типологизации социальных режимов в РС остается сборник «Социальные режимы и режимы без социального страхования в Азии, Африке и Латинской Америке: социальная политика в контексте догоняющего развития» (Gough et al. 2004), подготовленный сотрудниками факультета социальной политики университета Бата и его (на тот момент) ведущим исследователем Яном Гофом (Gough 2004a, 2004b; Gough, Wood 2006; Abu Sharkh, Gough 2010). Развитием идей сборника стал кластерный анализ 65 стран не входящих в ОЭСР за два момента времени: 1990 г. и 2000 г., (Abu Sharkh, Gough 2010) с целью выделить среди них кластеры социальных государств по двум переменным со множеством показателей: 1) социальные расходы институтов – государство, семья, рынок, в рамках всего сочетания институтов, оказывающих социальную поддержку (*welfare mix*) из государства, рынка и семьи; 2) эффект социального страхования (*welfare outcomes*). В результате были выделены множество подкластеров и три разновидности режимов всеобщего благосостояния в РС: протосоциальные государства (*proto-welfare state regimes*); режимы с неформальным страхованием (*informal security regimes*) и режимы без социального страхования (*insecurity regimes*) (см.: Gough, Wood 2006: 1706). Две контрольных точки 1990 и 2000 г. послужили проверке того, насколько устойчивы выделенные кластеры.

Понятие «*welfare mix*» подчеркивает сравнительно небольшую роль государства в социальном обеспечении РС по сравнению с ролью семьи, рода и рынка, включая, международные некоммерческие организации, межправительственные организации, растягивание семей через границы (отправка денег мигрантами на родину семье) и т.п. Речь идет о множестве причудливых форм (миксе) социального страхования, не привычных западному наблюдателю.

Режимы с неформальным страхованием (*informal security regimes*) описывают такие институциональные конфигурации, при которых люди крайне зависят от социальной помощи, предоставляемой их сообществом или семьей (хотя и в различной степени от страны к стране; наряду с некоторыми базовыми государственными социальными программами). Такие отношения, как правило, иерархичны и несимметричны. Обычно результатом неформального страхования становится проблемная инклюзия или «неблагоприятное инкорпорирование», при котором более бедные люди получают краткосрочную помощь ценой долгосрочной уязвимости и зависимости. Лежащие в основе неформального страхования патрон-клиентские отношений в таком случае усиливаются и могут стать непреодолимым препятствием на пути установления полноценного государства всеобщего благосостояния.

Тем не менее эти отношения составляют комплекс неформальных «прав» и обеспечивают определенную степень социальной защиты.

Режимы без социального страхования (*insecurity regimes*) описывают институциональные конфигурации, которые блокируют возникновение пусть и неформальных, но по крайней мере стабильных механизмов социальной защиты, и в результате способствуют высокому уровню небезопасности и слабым социальным результатам. Эти режимы часто возникают в тех частях мира, где могущественные внешние акторы взаимодействуют со слабыми государствами, тем самым способствуя их воспроизводству и политической нестабильности. В результате возникает «порочный круг небезопасности» (отсутствия социального страхования), который вредит всем, за исключением небольшой прослойки элиты, ее сторонников и клиентов.

Для 1990 г. кластерный анализ выделил четыре крупных кластера, остальные мелкие кластеры, состоящие всего из пары стран, Абу Шарх и Гоф во внимание не принимали. Для 2000 г. кластерный анализ выделил восемь кластеров, включающих более пяти стран. Логика наименования (от А до G) и ранжирования кластеров следующая: в первый кластер, кластер-А, вошли РС с протосоциальными режимами (*proto-welfare state regimes*), наиболее похожими на полноценные режимы всеобщего благосостояния стран ОЭСР, т.е. с наибольшим вкладом государства в социальное страхование (в рамках *welfare mix*) и наиболее высокими результатами социального страхования (высокие значения *welfare outcomes*), а в последние кластеры, кластеры G и H, наоборот, вошли режимы без социального страхования (*insecurity regimes*), наименее похожие на полноценные режимы всеобщего благосостояния стран ОЭСР.

Состав кластера-А устойчив от 1990 до 2000 г., в него вошли страны Восточной Европы, наиболее развитые части бывшего советского блока (Беларусь, Болгария, Эстония, Хорватия, Казахстан, Молдова, Польша, Румыния, Украина), Израиль, страны южного конуса Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Уругвай), кроме Чили, плюс Коста-Рика.

Кластер В составили страны со сравнительно невысокими социальными расходами государств и при этом весьма высокими социальными результатами. Важную роль в них играют негосударственные механизмы социального страхования. В этом кластере объединены «продуктивистские социальные государства» Восточной Азии: Корея, Китай, Таиланд, Индонезия, Шри-Ланка, Филиппины, Малайзия, а также ряд стран Южной Америки: Чили, Перу, Парагвай, Колумбия, Эквадор, плюс Мексика, Ямайка, Ботсвана, ЮАР, Таджикистан. В этот же кластер попадает часть стран с «протективными» (в терминах Рудры) социальным государствам: Иран, Турция, Доминиканская республика, Зимбабве.

Кластеры F и G составляют страны с низкими социальными результатами, свидетельствующие об устойчивой социальной незащищенности большинства населения. Однако формы социальной незащищенности

в этих кластерах различаются. В кластер G входят страны, в которых половина молодого населения (15–24) не грамотны и только 1/6 женщин получают среднее образование. Этот кластер составляют страны Индийского субконтинента: Индия, Пакистан, Бангладеш (за исключением Шри-Ланки), плюс несколько стран Западной Африки. Основной проблемой большинства стран Африки южнее Сахары, составляющих кластер F, является низкая продолжительность жизни и высокая младенческая смертность. Примечательно, что оба кластера сильно зависят от внешних потоков помощи и состав кластеров неустойчив.

В 2000 г. сформировались кластеры C и D. В кластер-C входят Карибская и Центральная Америка, плюс Эквадор, Марокко и Шри-Ланка. Социальное страхование здесь оформлено новым неформальным механизмом – миграция и деньги, переводимые мигрантами (до 9% ВНД). Кластер D составляют страны со средним доходом на душу населения Южной Африки: ЮАР, Зимбабве, Намибия, Ботсвана, плюс Кения, со сравнительно высокими расходами на здравоохранение и образование и относительно хорошими социальными результатами: высокой грамотностью, но низкой продолжительностью жизни, пострадавшей от эпидемии ВИЧ, СПИДа.

Сравнивая уровни экономического развития в терминах ВВП на душу населения самых значимых кластеров в 1990 г. (A, B, F, G) и 2000 г. (A, B, C, F), Абу Шарх и Гоф обнаружили различия, соответствующие социальным режимам. Неформально страхующие режимы (B) сократили разрыв с протогосударствами всеобщего благосостояния (A). Это означает, что доход на душу будет плохим индикатором различий типов социального государства в странах с уровнем дохода ниже среднего (*low-middle income*). К тому же конвергенция ВВП на душу не означает конвергенции социальных режимов.

WELFARE REGIMES IN DEVELOPING COUNTRIES

This article considers leading theoretical and quantitative approaches to identifying welfare regimes in developing countries. I. Holliday, I. Gough, N. Rudra, S. Haggard and R. Kaufman made the most important contribution to this strain of thought in recent decades. Academic interest in social security in developing countries and their welfare regimes identification and typology is fueled by the lack of anticipated convergence between them and Esping-Andersen's 'worlds of welfare capitalism' in the OECD countries. I. Holliday defined a cluster of the 'productivist' welfare regime with social benefits subordinated to economic ends and its subclusters in East Asia. The cluster started to transform during the welfare program extension in the region as a response to the crises of 1997 and 2008. As a result, some countries from the region started to resemble Esping-Andersen's liberal welfare regime. N. Rudra identified the non-geographical antipode of the productivist welfare regime, namely a 'protective' one. Its emergence was closely related with trade protectionism and import substitution industrialization, instead of export-led industrialization and the global market integration endemic for productivist regimes. Protective regimes provided more social benefits to their clients than their respective economies allowed. Apart from the above mentioned 'proto-welfare state regimes,' I. Gough distinguished two additional clusters of 'informal security regimes' and 'insecurity regime' with poor or no social protection, when extended families, including remittances from migrants, informal and patron-client networks, and international NPO played a decisive social security role. New generation of researchers, influenced by the mentioned authors, refine the composition of welfare clusters in developing countries as well as cauterization principles itself. They also distinguish intermediate- and sub-clusters and examine them more closely.

Key words: welfare state, developing countries, productivist welfare regime, protective welfare regime, informal security regimes, insecurity regimes, cluster analysis

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-697-708

References

- Abu Sharkh M., Gough I. (2010) Global Welfare Regimes: A Cluster Analysis. *Global Social Policy*, 10 (1): 27–58.
- Baer W., Herve M. (1966) Employment and Industrialization in Developing Countries. *The Quarterly Journal of Economics*, 80 (1): 88–107.

Dmitry Karasev – Cand. Sci. (Sociol.) Research fellow in the Center for Sanctions Policy Expertise, MGIMO University, Moscow, Russian Federation. Email: dk89@mail.ru

- Choi Y. J. (2012) End of the Era of Productivist Welfare Capitalism? Diverging Welfare Regimes in East Asia. *Asian Journal of Social Science*, 40 (3): 275–294.
- Cutright P. (1965) Political Structure, Economic Development, and National Social Security Programs. *American Journal of Sociology*, 70 (5): 537–550.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Evans P. (1997) The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization. *World Politics*, 50 (1): 62–87.
- Form W., Bae K. H. (1988) Convergence Theory and the Korean Connection. *Social Forces*, 66 (3): 618–44.
- Garrett G. (2001) Globalization and Government Spending Around the World. *Studies in Comparative International Development*, 35(4): 3–29.
- Gough I. (2004a) East Asia: Limits of Productivist Regimes. I. Gough, G. Wood, A. Barrientos, P. Bevan, P. Davis, G. Room (eds.) *Insecurity and Welfare Regimes in Asia, Africa, and Latin America: Social Policy in Developmental Context*. Cambridge: Cambridge University Press: 169–201.
- Gough I. (2004b) Welfare Regimes in Developmental Contexts: A Global and Regional Analysis. I. Gough, G. Wood, A. Barrientos, P. Bevan, P. Davis, G. Room (eds.) *Insecurity and Welfare Regimes in Asia, Africa, and Latin America: Social Policy in Developmental Context*. Cambridge: Cambridge University Press: 15–48.
- Gough I., Wood G. (2006) A Comparative Welfare Regime Approach to Global Social Policy. *World Development*, 34(10): 1696–1712.
- Haggard S., Kaufman R. (2004) Revising Social Contracts: Social Spending in Latin America, East Asia, and the Former Socialist Countries, 1980–2000. *Revista De Ciencia Política*, 24 (1): 3–37.
- Haggard S., Kaufman R. (2008) *Development, Democracy, and Welfare States: Latin America, East Asia, and Eastern Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Holliday I. (2000) Productivist Welfare Capitalism: Social Policy in East Asia. *Political Studies*, (48): 706–723.
- Holliday I. (2005) East Asian Social Policy in the wake of the Financial Crisis: Farewell to Productivism. *Policy and Politics*, 33 (1): 145–162.
- Hudson J., Kühner, S. (2012) Analyzing the Productive and Protective Dimensions of Welfare: Looking Beyond the OECD. *Social Policy and Administration*, (46): 35–60.
- Jones C. (1990) Hong Kong, Singapore, South Korea and Taiwan: Oikonomic Welfare States. *Government and Opposition*, (25): 446–462.
- Jones C. (1993) The Pacific Challenge: Confucian Welfare States. In: C. Jones (eds.) *New Perspectives on the Welfare State in Europe*. London: Routledge: 198–217.
- Kaufman R., Segura-Ubiergo A. (2001) Globalization, Domestic Politics, and Social Spending in Latin America: A Time-Series Cross-Section Analysis, 1973–1997. *World Politics*, 53 (4): 553–87.

- Kim Y.-M. (2008) Beyond East Asian Welfare Productivism in South Korea. *Policy and Politics*, 36 (1): 109–126.
- Kühner S. (2015) The Productive and Protective Dimensions of Welfare in Asia and the Pacific: Pathways Towards Human Development and Income Equality? *Journal of International and Comparative Social Policy*, 31 (2): 151–173.
- Kwon H. (1997) Beyond European Welfare Regimes: Comparative Perspectives on East Asian Welfare Systems. *Journal of Social Policy*, 26 (4): 467–484.
- Kwon S., Holliday I. (2007) The Korean Welfare State: A Paradox of Expansion in an Era of Globalization and Economic Crisis. *International Journal of Social Welfare*, 16(3): 242–248.
- Rudra N. (2002) Globalization and the Decline of the Welfare State in Less Developed Countries. *International Organization*, 56(2): 411–445.
- Rudra N. (2007) Welfare States in Developing Countries: Unique or Universal? *The Journal of Politics*, 69 (2): 378–396.
- Rudra N., Haggard S. (2005) Globalization, Democracy, and 'Effective' Welfare Spending in the Developing World. *Comparative Political Studies*, 38 (9): 1015–1049.
- Steinmo S. (1994) The End of Redistribution: International Pressures and Domestic Policy Choices. *Challenge* (37): 9–17.
- Wibbels E. (2006) Dependency Revisited: International Markets, Business Cycles, and Social Spending in the Developing World. *International Organization*, 60 (2): 433–68.
- Wilensky H. (1975) *The Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Public Expenditure*. Berkeley: University of California Press.
- Yang N., Kühner S. (2020) Beyond the Limits of the Productivist Regime: Capturing Three Decades of East Asian Welfare Development with Fuzzy Sets. *Social Policy and Society*, 19 (4): 613–627.